

НАУЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ДЕТЕРМИНИЗМА В СУБЪЕКТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОМ ПОДХОДЕ

© 2013 г. Н. Е. Харламенкова

*Доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии
посттравматического стресса, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт психологии РАН, Москва;
e-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com*

Излагаются научные основания проблемы детерминации психического. Дается их критическая оценка и переосмысление, осуществленные в работах С.Л. Рубинштейна и А.В. Брушлинского. На материале исследования проблемы психологической безопасности личности теоретически и эмпирически обосновываются три аспекта принципа детерминизма, важнейшие для субъектно-деятельностного подхода: внешние причины действуют только через внутренние условия; детерминация любого явления процессуальна; внутренние условия организованы системно.

Ключевые слова: детерминизм, индетерминизм, свобода, необходимость, фатализм, внешнее через внутреннее, личность, психологическая безопасность, угроза, чувствительность к угрозе, суверенность.

Одной из ключевых методологических проблем психологии, которая нашла отражение в работах А.В. Брушлинского, является проблема детерминации психического. Подчеркивая важность принципа детерминизма для психологии, нельзя отрицать его значение и для других наук, поскольку благодаря этому подходу вся совокупность природных, социальных и исторических явлений может быть так или иначе определена и объяснена исходя из идеи причинности их возникновения. “Но как наша индивидуальность есть нечто вполне определенное, так и дух, сознание и воля вполне определены, потому что дух есть ни что иное¹, как индивидуальность, развитая до ясного представления” [13, с. 321].

В истории философии принцип детерминизма тесно соприкасается с дилеммой “свобода или необходимость” и идентифицируется с исходной предопределенностью не только природных, но и социальных явлений, которая практически не допускает одновременного с ней проявления свободы действия, свободы функционирования. Известный советский философ В.Ф. Асмус аргументированно доказывает, что, начиная с XVII в., общественные и социальные явления стали объясняться с позиции механистиче-

ского детерминизма, и это существенно затруднило понимание их природы. “Состоит эта трудность в том, что, будучи применен к объяснению социального поведения человека, детерминизм – с тем своим ограниченным механистическим содержанием, которое единственно было известно передовым философам XVII столетия, – неизбежно превращается в фатализм, в учение, принципиально отрицающее всякую возможность сознательного и подлинно эффективного влияния человеческих действий на объективный ход вещей” [1, с. 231–232].

Попытки преодолеть противоречие между детерминизмом и свободой нередко приводили к дуалистическому решению, когда объяснение явлений природы основывалось на идее необходимости, а понимание сверхчувственного опыта было возможно благодаря привнесению в это понимание идеи свободы и спонтанности. Более того, многие из известных философов (например, Спиноза) связывали проявление свободы с психической деятельностью, например, с так называемым познавательным аффектом, страстью к познанию, которая освобождает от оков детерминизма.

Однако постепенно мир психических явлений начинает мыслиться как область особой реальности, которая также нуждается в трактовке, требу-

¹ Сохранена орфография первоисточника. – Прим. ред.

ющей определенности и причинной обусловленности. Наиболее ясно и осознанно это положение сформулировано Кантом в работе “Критика практического разума”. Он поясняет, что человек детерминирован в своем существовании не только как объект, поскольку имеет физическое тело, но и как субъект, наделенный разумом и чувствами, поэтому причинность может определяться и тем, что находится вне субъекта, и тем, что лежит в нем самом. “И, хотя бы эти определения и были внутренними, хотя бы они и имели психологическую, а не механическую причинность, т.е. вызывали поступок через представления, а не через телесное движение, они все же *определяющие основания* причинности существа постольку, поскольку его существование определимо во времени...” [5, с. 425]. Приложение принципа детерминизма к психическим явлениям – важный шаг в развитии представлений о человеке как о субъекте, значимое достижение в понимании упорядоченности и причинной обусловленности психического. Пытаясь показать, что психическое так же, как и материальное, подчинено естественному закону причинности, названному им *механизмом природы*, Кант апеллирует ко времени, ретроспективе, говоря, что события прошлого становятся достоянием истории, и ими невозможно свободно управлять. Но одновременно с утверждением положения о детерминации психического он пытается доказать, что свободное, спонтанное движение души также присуще человеческой природе. Однако соединить необходимость и свободу в контексте реального, чувственного опыта субъекта практически не удастся; это возможно, согласно Канту, при обращении к сверхчувственному, трансцендентальному миру, миру “вещей в себе”, “потому что причинность через свободу всегда надо искать в умопостигаемом, вне чувственно воспринимаемого мира” [там же, с. 435].

Объяснение существования психических явлений с помощью принципа детерминизма позволило рассматривать психическую реальность в качестве объекта научного исследования, но одновременно привело к объяснению поведения субъекта как тотально обусловленного и предсказуемого, в лучшем случае, его прошлым опытом. Еще одной проблемой, возникшей в связи с применением принципа детерминизма к объяснению психических явлений, стала проблема “внешнего” и “внутреннего” как главных составляющих механизма детерминации и ключевого момента в понимании объективности субъективного. “Крайняя сторона детерминизма утверждает, что человеческая воля во всех своих действиях совершенно определена *извне*; крайняя сторона ин-

детерминизма признает совершенное самоопределение в смысле безусловной свободы выбора” [13, с. 325].

Логическое обоснование связи “внешнего” и “внутреннего” может быть построено на основе принципа целостности. Согласно Гегелю, “внешнее” и “внутреннее” – это одно и то же, только рассматриваемое с разных сторон. “Внутреннее есть полнота определений содержания как условий, которые сами имеют наличное бытие. Их само выражение во внешнее есть их рефлексия или же их собирание в единство целого, которое благодаря этому как раз и получает существование” [4, с. 105]. И далее: “Будучи внутренним, сущность относится к себе как внешнему, а это внешнее есть лишь выражение внутреннего” [там же, с. 153]. В приложении более общей проблемы – проблемы “внешнего” и “внутреннего” – к решению дилеммы о необходимости и свободы Гегель остается верным принципу их взаимного согласования.

Оценивая вклад Гегеля в решение проблемы детерминизма, В.Ф. Асмус отмечает, что, в отличие от Канта, Фихте, Шеллинга, Гегель изображает историческую действительность как процесс, историческое движение, в целостности проявляющееся как необходимое и свободное. Это взаимное пересечение “внешнего” как необходимого и “внутреннего” как свободного состоит в том, что конкретные цели людей не полностью совпадают с результатом, поскольку в любом индивидуальном проявлении, осуществлении конкретных интересов всегда содержится нечто, что не осознается человеком, но является необходимым для исторического процесса.

Несмотря на применение законов диалектики к обоснованию пути развития знания, объяснению принципов связи между общим и особенным, необходимостью и свободой, внешним и внутренним, система представлений Гегеля о сознании, познавательном процессе, остается несовершенной, а субъект в этой системе – бездейственным.

Для развития методологии психологической науки философская трактовка бытия, сознания, познания, субъекта сохраняет свою безусловную ценность, ведь, согласно Куно Фишеру, “философия высказывает тайну своего времени”, “тайну внутренней деятельности века”, тем самым выдерживая пробу своего исторического значения [13, с. 14]. Понимая это, методологи отечественной психологии, в том числе С.Л. Рубинштейн и А.Н. Леонтьев, всегда бережно относились к философскому наследию мирового уровня.

Посвящая настоящую работу памяти Андрея Владимировича Брушлинского, мы анализируем его вклад в обсуждаемую проблему в соответствии с принципами того подхода, представителем которого он являлся, с принципами философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна и ключевыми положениями субъектно-деятельностного подхода, а также в связи с рубинштейновской критикой, прежде всего, представителей немецкой классической философии и их понимания сущности субъекта – его места в системе бытия.

Принципиальное отличие гегелевского метода от метода Канта, согласно С.Л. Рубинштейну, заключается в преодолении метода внешней рефлексивности, который предполагает тождество бытия и мышления. Гегель выдвигает принцип опосредованности как принцип раскрытия все более глубокого внутреннего содержания, сущности, которая “затем включается в феномен и выступает в нем в форме непосредственно данного” [11, с. 16]. Если Кант анализирует категорию свободы вне природы человека и истории развития общества, а только как явление, характерное для трансцендентальной сущности, то Гегель “изымает” проблему необходимости и свободы из контекста сверхчувственного мира и делает ее достоянием исторического процесса и жизни конкретного субъекта. Однако, несмотря на включение субъекта в контекст его бытия, истории, Гегель представляет его не столько как деятеля, сколько как созерцателя, который только наблюдает за свершающейся историей и потому не может влиять на ее ход, проявляя свою свободу. “Отсюда его диалектика перестает быть взаимодействием познающего субъекта с познаваемым объектом, с бытием. Мысль, понятие, идея как субъект порождаются из себя...” [там же].

Центральная проблема философии, по мнению С.Л. Рубинштейна, формулируется обычно как проблема бытия и сознания, бытия и познания. Однако идея или образ не могут быть самостоятельными элементами основного гносеологического отношения. “За отношением идеи, образа и вещи, сознания или познания и бытия стоит другое отношение – человека, в познавательной деятельности которого только и возникает образ, идея, и бытия, которое он познает” [там же, с. 4]. Именно поэтому, говорил Рубинштейн, в качестве главной проблемы следует назвать проблему бытия, сущего и места человека в нем. Только с этих методологических позиций можно рассматривать принцип детерминизма как взаимодействие внешнего и внутреннего, действие внешних причин через посредство внутренних условий.

Рубинштейн отмечает, что для “домарковского материализма, игнорировавшего субъекта и его деятельность, отражение сводилось к статическому отношению образа и вещи. На самом деле образ существует лишь в отражательной деятельности субъекта, его мозга, лишь в процессе познания” [10, с. 18].

В работе “Человек и мир”, изданной посмертно, принцип детерминизма соотносится с понятием субстанции, постижение которой позволяет раскрывать действительное познание причины, переходить от изучения явления к сущности. Соединение представлений о познании как о процессе с принципом детерминизма способствует осуществлению познавательного движения от внешних отношений к внутренним, субстанциональным. Кроме того, Рубинштейн ставит вопрос об общем и различном (особенном), показывая, что важно изучать не абстрактное тождество, а конкретные изменения, связанные с каждой новой ситуацией, с включением личности в новую систему отношений.

В работах А.В. Брушлинского, посвященных методологии и теории психологии, проблеме субъекта, психологии мышления, раскрывается ряд положений философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна, дается толкование основных идей рубинштейновского взгляда на психическое, излагается собственный взгляд на субъекта как человека на высшем уровне активности, целостности (системности), автономности.

Вновь обращаясь к важнейшей проблеме детерминации психических явлений, Брушлинский ясно дает понять, что в зависимости от объяснения этого методологического принципа кардинально меняется взгляд исследователя, ученого на человека в целом, прежде всего, на его место в мире. Так, дискутируя с В.В. Давыдовым по поводу производности или исходности психического, Брушлинский пишет, что в субъектно-деятельностной концепции С.Л. Рубинштейна принцип детерминизма объясняется так: “внешние... причины действуют только через внутренние условия, составляющие *основание* развития. А потому собственная активность... даже младенца, а тем более ребенка является *не производной, а именно исходной*. Столь же исходными остаются и эти внешние влияния..., но они не прямо и не непосредственно детерминируют всю жизнь людей, а только опосредствуясь целостной системой внутренних условий, всей личностью (наследственными задатками, собственным жизненным опытом и т.п.). Иначе говоря, любое воздействие

внешних причин существенно зависит от внутреннего основания развития” [3, с. 166].

Открывая активную роль психического в регуляции отношений со средой, роль человека как субъекта жизни, Брушлинский не умаляет и роли деятельности в развитии психического, но показывает, что собственная активность субъекта, его пристрастное отношение к действительности, вовлеченность в контакт с миром придают деятельности индивидуальное своеобразие, отражаясь на осуществлении самого процесса деятельности и его результате. Выступая против изначальной заданности детерминации любого процесса, например мыслительного, Брушлинский утверждает, что “детерминация психического процесса непрерывно, хотя и не обязательно равномерно формируется на всех этапах его осуществления” [2, с. 268], включая в себя прогнозирование будущих результатов этого процесса. Каждая следующая стадия процесса вырастает из предыдущей, являющейся ее внутренним условием, а это значит, согласно Брушлинскому, что все стадии неразрывно (недизъюнктивно) связаны между собой генетически.

Обосновывая системный (совокупность внутренних условий) и процессуальный (принцип историзма и принцип развития) характер детерминации психического, Брушлинский привлекает данные, полученные им самим и его учениками в ходе экспериментального исследования мышления как процесса. Огромный и ценный по содержанию материал используется для проверки экспериментальных гипотез, верификации теоретических предположений, а также упрочения методологических оснований субъектно-деятельностного подхода. Поддерживая и развивая идеи А.В. Брушлинского, представляющего школу С.Л. Рубинштейна, и его собственную позицию в отношении детерминации психического, выделим следующие теоретические аспекты этой проблемы:

- внешние причины действуют только через внутренние условия;
- детерминация любого явления процессуальна;
- внутренние условия организованы системно.

Думается, что не нужно специально доказывать, что проверка теоретических гипотез на другом (по сравнению, например, с изучением мышления) эмпирическом материале позволяет выявлять универсальность сформулированных в гипотезах зависимостей и отстаивать их методологическую ценность. Для верификации сформулированных выше положений мы обратились к актуальной проблеме – психологической безопасности личности.

Цель работы – теоретически и эмпирически доказать правдоподобность всех трех аспектов принципа детерминизма “внешнее через внутреннее”, используя результаты теоретико-эмпирического исследования проблемы психологической безопасности личности.

Предмет исследования – соотношение внешнего и внутреннего в детерминации психического (на примере психологической безопасности личности) и процессуальный характер этой связи.

Объект исследования – представление личности о психологической безопасности и ее переживание в зависимости от внешних воздействий и внутренних условий (содержательных и формально-динамических свойств) людьми разного возраста.

Гипотезы:

1. Внешние воздействия сопряжены с представлением о психологической безопасности и ее переживанием только опосредованно, через внутренние условия.

2. Детерминация переживания опасности/безопасности представляет собой процесс, который проявляется в зависимости от типа угрозы, нарушающего безопасность, от этапов становления суверенности личности.

3. Внутренние условия, определяющие переживание личностью безопасности, представляют собой систему содержательных и формально-динамических свойств.

МЕТОДИКА

Участники исследования: Гипотезы проверялись на разных выборках. Для проверки первой гипотезы исследование проводилось на выборке, состоявшей из 201 чел.: 121 женщина ($Me = 24$) и 80 мужчин ($Me = 22$) с незаконченным высшим образованием; для проверки второй гипотезы – на выборке из 152 чел.: 98 женщин ($Me = 22$) и 54 мужчины ($Me = 23$) с незаконченным высшим образованием; для проверки третьей гипотезы – на выборке из 423 чел. трех возрастных групп: от 18 до 55 лет (132 чел. в возрасте 18–26 лет, из них 72 чел. – мужчины, 60 чел. – женщины; 157 чел. в возрасте 27–40 лет, из них 71 чел. – мужчины, 86 чел. – женщины; 134 чел. в возрасте 45–55 лет, из них 62 чел. – мужчины, 72 чел. – женщины). Выборка была уравнена по половому признаку: в исследовании приняли участие 205 мужчин и 218 женщин разного возраста.

В исследовании были использованы:

1. Опросник “Суверенность психологического пространства” (СПП) С.К. Нартовой-Бочавер – включает 80 утверждений и 6 шкал: суверенность физического тела, территории, вещей, привычек, социальных связей и ценностей человека [6–8].

2. Тематический апперцептивный тест Г. Мюррея в его значительной модификации. В данном исследовании в качестве стимульного материала использовали таблицу № 14 с изображением силуэта мужчины на фоне ярко освещенного окна; вся остальная поверхность картины черная. По мнению Е.Т. Соколовой, таблица выявляет общий фон настроения, иногда депрессивные и суицидальные тенденции, честолюбивые мечты [12, с. 164]; направлена на актуализацию личной темы. Испытуемым, которые делились на три группы, предлагалось составить рассказ по предъявляемой таблице. Первой ($n = 70$) и второй ($n = 70$) группам до предъявления инструкции “Составьте рассказ” предлагалось оценить изображенный на картинке сюжет, состояние героя по 10-балльной шкале “Безопасное–Опасное” (первичная оценка). Далее предъявлялась инструкция. Группу 1 просили представить героя в состоянии опасности и составить рассказ по картинке. Группе 2 предлагалось представить героя в безопасном состоянии и тоже составить рассказ. После того как рассказ был придуман, обеим группам предлагали оценить его по той же самой шкале (вторичная оценка). Третья группа ($n = 61$) получала стандартную инструкцию без предварительной оценки таблицы (картинки). Такая процедура работы с таблицей позволяла устранить влияние ее предварительной оценки на выбор сюжета рассказа, избежать узкой ориентации испытуемого на тему безопасность/опасность. После составления рассказа испытуемых группы 3 просили оценить свое первое впечатление от картинки по шкале “Безопасность–Опасность” (первичная оценка), а затем оценить сам рассказ (вторичная оценка). Далее всем трем группам испытуемых задавались стандартные вопросы: 1. Что угрожает герою рассказа? 2. Что нужно для достижения безопасности? Какие средства? (для группы 1) или Что нужно для сохранения состояния безопасности? (для группы 2). Группе 3 этот вопрос формулировали полностью: Что нужно для достижения либо сохранения безопасности? В конце исследования испытуемых просили дать ассоциации к слову “безопасность” в форме перечисления признаков.

Подробный анализ всех результатов исследования изложен в статье “Личностная безопасность

и стратегии ее достижения” [14], где представлена полная кодировка ответов по категориям: тема рассказа, направленность угрозы, тип угрозы, средства достижения безопасности, ассоциации на слово “безопасность”. Для проверки гипотез настоящего исследования была использована кодировка типа угрозы и ассоциаций.

Тип угрозы: 1 – физическая угроза, угроза жизни; 2 – угрозы, связанные с профессией; 3 – ограничения (свободы, творчества); 4 – социальное одиночество; 5 – угроза сохранения психического благополучия (аутоагрессия, недовольство собой, страхи, угрызения совести, депрессия); 6 – случайность, неожиданность, непредвиденные обстоятельства; 7 – новое, неизвестное.

Ассоциации на слово “безопасность” разделили по следующим категориям: 1 – защита от внешних угроз, защищенность; 2 – внешний комфорт (дом, семья, друзья); 3 – свобода, самореализация; 4 – порядок, контроль, соблюдение норм, правил; 5 – пассивный внутренний комфорт (спокойствие, тепло, благополучие); 6 – активный внутренний комфорт (прояснение, доверие, знание, информированность); 7 – здоровье; 8 – деньги, обеспеченность; 9 – быть с Богом, единение с природой; 10 – активные действия, противодействие; 11 – власть, государство.

Для уточнения принципа кодировки использовались экспертные оценки (6 экспертов работали парами с результатами каждой из трех групп испытуемых).

3. *Авторская анкета.* Анкета состоит из списка 60 слов-дескрипторов, наиболее часто ассоциирующихся со словом “безопасность” (например, “контроль ситуации”, “мудрость”, “физическая подготовка, сила”)². Респондентам необходимо было определить степень близости ассоциации к слову “безопасность” в соответствии с 5-балльной шкалой, значения которой распределялись от +2 (самая близкая связь) до –2 (связь между словом “безопасность” и ассоциацией слабая или отсутствует) со значением 0 в центре шкалы [15].

Обработка результатов проводилась с помощью *U*-критерия Манна–Уитни, *W*-критерия Вилкоксона, *φ*-критерия Фишера, факторного анализа (программа *Statistica 6.0*).

² Слова-дескрипторы были подобраны в ходе самостоятельного исследования, проведенного группой, в которую вошли: Н.Е. Харламенкова (рук. группы), Л.Х. Ароян, О.А. Благова, А.И. Шипигузова, О.С. Бондарь. По результатам исследования в 2011 г. написаны и защищены одна магистерская и три дипломные работы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Психологическая безопасность нередко определяется как состояние, вызванное отсутствием угроз и, соответственно, отсутствием опасности. При таком объяснении связи между внутренним и внешним эта достаточно простая зависимость строится на основе принципа механистического детерминизма, предполагающего прямое влияние внешних воздействий (угроз или, наоборот, благоприятных факторов) на внутреннее состояние личности (на состояние опасности или безопасности). Для верификации/фальсификации этого вывода была сформулирована контргипотеза, которая в настоящем исследовании является *первой гипотезой*: внешние воздействия сопряжены с представлением о психологической безопасности и ее переживанием только опосредованно, через внутренние условия.

В целях проверки гипотезы сравнивались результаты двух групп респондентов: группы 1, которую просили представить героя в состоянии опасности и составить рассказ по картинке № 14 ТАТ, и группы 2, которой предлагалось представить героя в безопасном состоянии и тоже составить рассказ, с группой 3, которой предъявляли стандартную инструкцию.

Сравнительный анализ показал, что между двумя первыми группами есть различия по *восприятию картинки* (первичная оценка с помощью

ричная оценка) оказалось, что первая группа воспринимает³ свои рассказы как содержащие угрозу в большей степени, чем вторая ($Me_1 = 7$, $Me_2 = 2$; $U = 575.5$; $p = 0.00$).

Сравнение оценок картинки и рассказа в первой группе показало значительное увеличение показателей по шкале под влиянием инструкции ($T = 104.5$; $p = 0.00$), а во второй группе – значительное уменьшение оценок также под влиянием инструкции ($T = 181.5$; $p = 0.00$). Оценка восприятия картинки и восприятия своего рассказа по картинке не меняется у третьей группы, которой предъявляли стандартную инструкцию ($T = 58.5$; $p = 0.6$).

Приведенные данные показывают, что респонденты правильно поняли инструкцию. По формальному показателю (оценка состояния героя по 10-балльной шкале) отмечается отличие: респонденты, которым предъявляли инструкцию с ориентацией на безопасность ситуации, переживали ее как безопасную, а те, которые работали по инструкции, ориентированной на опасность, переживали ситуацию как опасную. Из этого следует, что внешние условия (инструкция) оказывают влияние на личность, меняя ее установки. Однако нас интересовало, как именно это происходит у разных респондентов. С этой целью были сопоставлены содержательные ответы респондентов трех исследуемых групп – ассоциации, которые они давали на слово “безопасность” (табл. 1).

Таблица 1. Количество и характер ассоциаций на слово “безопасность” в разных группах

№ группы	Группы ассоциаций										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	29	27	6	11	32	17	6	3	1	2	2
2	29	29	5	9	42	26	3	2	1	1	1
3	22	16	2	9	31	19	4	0	0	2	1
сумма	80	72	13	29	105	62	13	5	2	5	4
%	20.5	18.5	3.3	7.4	27	16	3.3	1.3	0.4	1.3	1

Примечание. 1 – защита от внешних угроз, защищенность; 2 – внешний комфорт (жилье, семья); 3 – свобода, самореализация; 4 – порядок, контроль, соблюдение норм, правил; 5 – пассивный внутренний комфорт (спокойствие, тепло, благополучие); 6 – активный внутренний комфорт (прояснение, доверие, знание, информированность); 7 – здоровье; 8 – деньги, обеспеченность; 9 – быть с Богом, единение с природой; 10 – активные действия, противодействие; 11 – власть, государство.

10-балльной шкалы “Безопасность–Опасность”) ($Me_1 = 2$, $Me_2 = 4$; $U = 1469$, $p = 0.00$). Однако в целом она воспринимается скорее как безопасная, нежели опасная. Восприятие картинки второй и третьей группами не различается ($U = 1872$, $p = 0.22$).

При сравнении оценок *рассказов* испытуемыми первой и второй групп по этой же шкале (вто-

Чаще всего безопасность понималась как внутренний комфорт (спокойствие, тепло), который был назван нами пассивным – 27%; далее по степени убывания частоты ассоциаций идет

³ Особенности работы с методикой ТАТ состоят в том, что слово “восприятие” на самом деле обозначает *переживание* ситуации.

защищенность, т.е. наличие границ (20.5%), внешний комфорт: дом, семья, друзья и т.д. (18.5%), и активно достигаемый внутренний комфорт, или прояснение, знание и др. (16%).

В 7.4% случаев безопасность интерпретируется как порядок, контроль, соблюдение норм и правил. Остальные категории безопасности, в том числе свобода, самореализация, упоминаются менее чем в 3% случаев. Статистические различия между основными группами касаются самой нагруженной группы ассоциаций – пассивного внутреннего комфорта. При установке на восприятие ситуации как угрожающей субъект реже приписывает безопасности состояние комфорта как пассивно ($\varphi = 1.7$; $p = 0.04$), так и активно ($\varphi = 1.6$; $p = 0.05$) достигаемого. Однако если учесть, что полученные числовые значения попадают в зону неопределенности, то однозначно утверждать о наличии существенных различий между группами невозможно. Можно лишь констатировать, что внешние условия – инструкция – формально повлияли на респондентов разных групп, которые оценили картинку по-разному, однако содержательная специфика переживания безопасности при этом не изменилась. С нашей точки зрения, это связано с отсутствием в анализе необходимых данных об особых “внутренних условиях”, которые позволили бы показать, что внешние воздействия влияют на переживание безопасности только опосредованно (гипотеза 1).

Чтобы восполнить картину исследования, каждая из трех групп респондентов была проанализирована отдельно. Оказалось, что, несмотря на разные инструкции: “Опасная ситуация”, “Безопасная ситуация”, “Стандартная инструкция” – внутри каждой группы можно выделить подгруппы несензитивных (всего из общей выборки 45%), сензитивных к угрозе личностей (32%) и амбивалентных (23%). У последних оценка картинки и оценка рассказа значительно различаются. Например, в первой группе респондентов, которой предъявляли инструкцию о наличии опасности, оказалось 53% людей⁴, представляющих группу сензитивных к угрозе личностей, 24% несензитивных и 68% амбивалентных. Иными словами, инструкция об опасности у сензитивных респондентов действительно спровоцировала оценку картинки как содержащую угрозу ($X = 6.4$, где X – среднее значение), у несензитивных не вызвала переживания опасности ($X = 1.5$), а у амбивалентных вызвала положительную реакцию на картинку ($X = 1.7$), но отрицательную, с точки

зрения безопасности, оценку рассказа ($X = 8.2$). Нами показано, что эти группы различаются не только интенсивностью переживания опасности, но и особым представлением о ней, средствами совладания с опасностью и типом угрозы, вызывающим опасность [14]. Несензитивные к угрозе личности воспринимают безопасность не только как защищенность, но и как свободу, самореализацию, которые не конфликтуют друг с другом. Кроме универсальных стратегий – самоанализ и обращение за помощью – они склонны применять стратегию самопреодоления и контроль, которые требуют волевых действий; способны рассматривать некоторые опасности как случайность, неожиданность, что позволяет им дифференцировать разные типы угроз и повышать общий уровень личной безопасности. Сензитивные к угрозе личности воспринимают безопасность как состояние внутреннего комфорта и защищенности, а среду – как небезопасную, стремятся к установлению границ; используют универсальные способы достижения безопасности, однако нередко склонны избегать опасность. Для амбивалентной личности безопасность воспринимается неоднозначно: и как внешний комфорт, и как свобода, самореализация. В отличие от несензитивных к угрозе личностей, эти две тенденции у них конфликтуют, что проявляется в неосознаваемом страхе потери внешней опоры, авторитетной фигуры при декларации стремления к свободе и независимости.

Совокупность полученных нами данных позволяет считать первую гипотезу доказанной. В качестве внутреннего условия на этом этапе исследования выступила чувствительность к угрозе, которая проявлялась как интенсивность реагирования на угрозу (инструкцию).

Доказывая, что детерминация имеет процессуальный характер, А.В. Брушлинский основывается на данных исследования мышления как процесса, а именно – процесса решения мыслительных задач. При этом он показывает, что результаты рассматриваемого исследования носят не частный, а общий характер. Это значит, что верным следует считать и более общее утверждение о процессуальности детерминации психического, которое верифицируется не только в истинном эксперименте, но и в других условиях организации исследования. Для проверки гипотезы о процессуальном характере детерминации психического (*вторая гипотеза*), безусловно, подходят лонгитюдное исследование и метод поперечных срезов. В настоящей работе были использованы другие возможности верификации гипотезы.

⁴ Количество респондентов (в %) от общего числа сензитивных, несензитивных и амбивалентных по всей выборке.

Прежде всего, мы определили внутренние условия, через которые и воздействуют на человека, на его представление о безопасности и переживание ее, внешние факторы (в нашем случае – инструкция об опасности). Чувствительность к угрозе, выделенная нами как свойство, опосредствующее влияние внешних условий на переживание безопасности, по существу интегрирует как природные (например, чувствительность), так и социально-психологические (например, личностная тревожность) особенности и проявляется в чувствительности к вторжению в психологическое пространство личности. Как личностная особенность чувствительность к угрозе может быть описана в категориях суверенности или, наоборот, депривированности психологического пространства. В исследованиях С.К. Нартовой-Бочавер суверенность личности определяется как способность контролировать свое психологическое пространство, успешно разрешать жизненные задачи, устанавливать чувство авторства по отношению к жизни [7–9]. Выбор этой особенности был обусловлен тем, что суверенность личности является системным качеством, проявляется в суверенности тела, территории, мира вещей, привычек, социальных связей и ценностей, причем, согласно С.К. Нартовой-Бочавер, становление суверенности в онтогенезе происходит постепенно, начиная с суверенности тела в младенчестве, и далее, к юношескому возрасту, заканчивается становлением суверенности ценностей [7]. Принимая во внимание этот факт, будем анализировать процессуальность детерминации переживания опасности/безопасности с учетом динамики суверенности личности как внутреннего условия, определяющего специфику влияния на человека внешних воздействий.

Для проверки второй гипотезы респонденты были разделены⁵ на группы по типу называемых ими угроз, которые, с нашей точки зрения, стали внутренними маркерами переживания опасности. В результате оказалось, что часть респондентов оценивает эту ситуацию (картинка ТАТ) как безопасную (группа *A*, угроза отсутствует, $n = 52$), остальные респонденты называли физическую угрозу (группа *B*, $n = 49$), угрозу социального одиночества (группа *C*, $n = 19$), угрозу нарушения психического благополучия (группа *D*, $n = 32$).

В целях проверки выдвинутой гипотезы сравнивались показатели шкал методики “Суверенность психологического пространства” (СПП) у респондентов группы *A* и всех остальных групп.

При сравнении показателей групп *A* и *B* были обнаружены значимые различия по следующим шкалам: общая суверенность ($U = 438.5, p = 0.01$), суверенность тела ($U = 462.5, p = 0.02$), территории ($U = 430.5, p = 0.01$), мира вещей ($U = 431, p = 0.01$), привычек ($U = 446, p = 0.05$), ценностей ($U = 453, p = 0.02$). Оказалось, что люди, чувствительные к физической угрозе, ощущают себя депривированными практически по всем показателям СПП.

Сравнение показателей СПП у респондентов групп *A* и *C* позволило выяснить, что люди, не чувствующие угрозу, и люди, остро переживающие состояние социального одиночества как угрозу, различаются по суверенности территории ($U = 244, p = 0.01$) и в тенденции – по показателю суверенности ценностей ($p = 0.070$). При этом сравнение других групп – *A* и *D* – выявило различия по суверенности физического тела ($U = 428, p = 0.02$) и суверенности территории ($U = 436, p = 0.02$).

В целом можно утверждать, что вторая гипотеза подтвердилась. Результаты показывают, что между группами респондентов, переживающих как чувство безопасности, так и чувство опасности, есть значимые различия по шкалам суверенности личности: по суверенности территории, привычек, мира вещей, физического тела, ценностей, причем значения по этим шкалам оказались выше у группы испытуемых, переживающих чувство безопасности (группа *A*). Это значит, что в целом суверенность психологического пространства личности (т.е. способность человека поддерживать свои границы целостными, не разрушаться под влиянием внешних воздействий, иметь чувство авторства по отношению к своей жизни) у этих респондентов выше по сравнению с остальными, поэтому предъявляемая инструкция об опасности не переживается ими как угроза.

Наиболее выраженные различия получены между группами *A* и *B*, которые показывают, что у людей, переживающих воздействие как физическую угрозу (угрозу нападения, физического насилия, смерти), нарушение суверенности тела, территории и вещей, т.е. границ личного пространства, включающего предметный мир, отражается на нарушении свободы распоряжаться своим временем и отстаивать свои ценности, оставаться приверженным своим вкусам. Страх физической смерти в буквальном смысле слова парализует человека, и он становится неспособным жить своей жизнью, разумно мыслить, творить, развиваться. Особенности личной истории этих людей состоят в том, что ранняя телесная депри-

⁵ Автор благодарит аспирантов А.Х. Ароян и О.А. Благову за помощь в сборе материала.

вазия сменяется депривацией территории, вещей и т.д. и становится тотальной.

При сравнении респондентов, сензитивных к угрозе социального одиночества (группа С), с респондентами группы А было обнаружено, что у первых снижены показатели по шкалам суверенности территории и ценностей. Различия по шкалам суверенности вещей и суверенности привычек не наблюдалось. Кроме того, по шкале суверенности социальных связей также не было выявлено различий. Интересно отметить в связи с этим, что переживания по поводу нарушения социальных контактов и их потери строго не определяются контролем родителей и других близких людей за выбором сыном или дочерью предпочитаемого круга общения. Скорее всего, страх социального одиночества подкрепляется не только нарушением суверенности личности (суверенности территории и суверенности ценностей), но и другими факторами, в частности, типом привязанности ребенка к родителям, а также непосредственностью материнского и отцовского поведения.

Особое внимание хотелось бы уделить респондентам, переживающим по поводу своего психического статуса, психического благополучия, что выражается в виде аутоагрессии, недовольства собой, угрызений совести, депрессии и др. (группа D). Показательным для этой группы стало снижение суверенности по шкалам “Суверенность физического тела” и “Суверенность территории” (по сравнению с группой А). По всей видимости, переживания по поводу своего психического здоровья имеют глубокие корни, связанные с безличным отношением родителей к своему ребенку в самом раннем детстве, с невниманием к его потребностям и состояниям. Обычно ранний детский опыт компенсируется с большим трудом. Однако в этом случае он, так или иначе, сглаживается, по крайней мере, в отношении суверенности привычек, социальных связей и ценностей. Следует предположить, что подобная компенсация требует больших энергетических затрат и не может стабильно поддерживать полноценное функционирование личности в разных сферах жизнедеятельности. Как самостоятельная гипотеза исследования это предположение нуждается в специальной проверке и дополнительном анализе данных.

Важным выводом этой части исследования является положение о том, что ранний детский опыт помогает человеку быть более или менее чувствительным к угрожаящим факторам, причем разный опыт суверенности делает его сензитивным по от-

ношению к разным угрозам, которые становятся внутренними основаниями восприятия внешних, часто даже нейтральных воздействий. Действенность принципа “внешнее через внутреннее” раскрывается и в процессуальном характере детерминации переживания чувства безопасности. Не имея возможности показать процессуальность детерминации так, как это было сделано в экспериментальных условиях исследования мышления, мы, тем не менее, обнаружили, что чувствительность к конкретным угрозам в каждом отдельном случае сопряжена с уникальной историей развития личности, проявляющейся в становлении ее суверенности.

Для проверки *третьей гипотезы* – внутренние условия, определяющие переживание личностью безопасности, представляют собой систему содержательных и формально-динамических свойств – была использована авторская анкета, включающая 60 дескрипторов. В исследовании приняли участие 423 чел. трех возрастных групп от 18 до 55 лет. В ходе обработки результатов было установлено правило, в соответствии с которым отбирались переменные, выступающие маркерами личностных особенностей. Это слова-ассоциации, по которым наблюдался наибольший *разброс* в их оценках (от -2 до +2) как показателей психологической безопасности⁶. Кроме того, учитывалась такая формально-динамическая характеристика, как возраст. Анализ данных в трех возрастных группах позволил выделить характеристики (16 дескрипторов из 60), имеющие *наибольшую вариабельность* и выступающие метками индивидуально-психологических различий (табл. 2).

Анализ каждого из слов вряд ли позволил бы представить общую картину личностной вариативности представлений о безопасности с учетом возраста. Для наилучшего представления о безопасности в зависимости от личностных предпочтений или личностных историй был проведен факторный анализ данных для того, чтобы определить наиболее нагруженные факторы и, соответственно, переменные второго порядка,

⁶ Суммы положительных (1+2) и отрицательных оценок [-1+(-2)] оказывались приблизительно равными. Для сравнения можно привести следующий пример: сумма положительных оценок переменной “контроль ситуации” как показателя психологической безопасности по всей выборке (n = 423) была равна 394 баллам, сумма отрицательных – 21 баллу, нулевых – 8 баллам, тогда как сумма положительных оценок переменной “поддержка отца” была равна 183 баллам, сумма отрицательных – 158 баллам, нулевых – 82 баллам.

Таблица 2. Слова-ассоциации, выступающие признаками индивидуальных различий в представлении о психологической безопасности

	Слова-ассоциации	18–26 лет	27–40 лет	45–55 лет
1	“Бункер, бомбоубежище”	*	*	*
2	“Безмятежность, легкость”	*	*	*
3	“Поддержка отца”	*	*	*
4	“Общительность, открытость”	*	*	*
5	“Жесткость, напористость”	*	*	*
6	“Обращение к Богу, религии”	*	*	*
7	“Везение, удача”	*	*	
8	“Надежда на лучшее”	*	*	
9	“Единение с природой”		*	*
10	“Госбезопасность: власть, органы правопорядка”		*	*
11	“Радость”		*	*
12	“Ответственность, долг”	*		
13	“Осторожность, отказ от риска”	*		
14	“Родители”			*
15	“Душевное тепло”			*
16	“Поддержка мамы”			*
	Всего	10	11	12

Примечание. Знаком (*) отмечены ассоциации, по которым наблюдается наибольший разброс в оценках.

обозначающие область личностных различий, сопряженных с возрастом.

В группе респондентов *18–26 лет* факторный анализ позволяет выделить три фактора (48% дисперсии): **фактор “Поддержка отца”** (23%) – “Обращение к Богу, религии” (0.7), “Поддержка отца” (0.7), “Надежда на лучшее” (0.6), “Везение, удача” (0.6); **фактор “Осторожность”** (14%) – “Осторожность, отказ от риска” (0.7), “Безмятежность” (–0.7); **фактор “Защитная агрессия”** (11%) – “Жесткость, напористость” (0.7), “Бункер, бомбоубежище” (0.6), “Общительность” (0.7), “Ответственность” (0.4).

Наибольший разброс в представлениях о безопасности в группе 18–26-летних людей обусловлен оценкой роли отца в поддержке психологической безопасности. Оказалось, что, чем больше ощущение этой поддержки, тем увереннее ощущает себя человек, тем меньше чувство угрозы. И наоборот, чем более негативно оценивается вклад отца в поддержку психологической безопасности, тем более незащищенным, беспомощным оказывается человек. Полученный результат можно объяснить, используя разные интерпретационные схемы. Одна из них, с нашей точки зрения, наиболее простая, опирается на очевидный факт, согласно которому большинство людей воспринимает мужчину как “защитника”, и именно поэтому он должен выполнять функции обеспечения безопасности близких. Другая интерпретация

строится не на житейских, а на научных доводах и состоит в том, что мужчина, прежде всего как отец, “разбивает” симбиотические отношения ребенка с матерью, способствуя развитию его автономии, актуализации у ребенка собственных, внутренних способов защиты от опасности, в том числе и от опасности стать объектом ожиданий и проекций матери.

В группе *27–40-летних* респондентов факторный анализ позволяет выделить четыре фактора (62% дисперсии): **фактор “Переживание состояния безопасности”** (27%) – “Радость” (0.8), “Общительность, открытость” (0.8), “Безмятежность, легкость” (0.7); **фактор “Открытость миру”** (14%) – “Надежда на лучшее” (0.8), “Обращение к Богу, религии” (0.6), “Единение с природой” (0.5); **фактор “Защитная агрессия”** (11%) – “Бункер, бомбоубежище” (0.9), “Жесткость, напористость” (0.5); **фактор “Поддержка отца”** (10%) – “Поддержка отца” (0.7), “Везение, удача” (0.7), “Госбезопасность: власть, органы правопорядка” (0.7).

Если для 18–26-летних респондентов дифференцирующим выбором оказался фактор “Поддержка отца”, то для 27–40-летних респондентов – фактор “Переживание состояния безопасности” как состояния радости, безмятежности, легкости и общительности. Оказалось, что люди, способные описать состояние безопасности и, по-видимому, имевшие такой опыт переживаний, исполь-

зуют разные ресурсы для его достижения, более открыты миру, склонны ему доверять и в целом оценивают свое окружение позитивно. Разотождествление с родителями и ослабление влияния фактора “Поддержка отца” на дифференциацию выборки на группы в возрасте 27–40 лет, возможно, приводит к тому, что человек оказывается способным или неспособным самостоятельно регулировать свои контакты с миром, испытывая или не испытывая от этого удовольствие. Суверенность личности, которую мы рассматривали в связи с проверкой второй гипотезы, проявляется в этом возрасте как фактор самостоятельного контроля над границами своего психологического пространства. Оказывается, что в зависимости от внутренних условий безопасность может переживаться по-разному. Выраженная суверенность психологического пространства, опыт поддержки отца, сепарация от влияния родителей, ощущение внутренней независимости позволяют воспринимать окружающий мир позитивно, а состояние безопасности характеризовать как легкость, радость, безмятежность. И наоборот, депривированность, ощущение незащищенности, зависимость от окружения повышают чувствительность к реальным угрозам, а также создают субъективное ощущение опасности при наличии объективно безопасной ситуации. В этом случае безопасность переживается только как состояние *без угроз, без опасностей*.

В группе 45–55-летних были выделены четыре фактора (61% дисперсии): *фактор “Переживание состояния безопасности”* (29%) – “Единение с природой” (0.8), “Душевное тепло” (0.8), “Общительность, открытость” (0.6), “Обращение к Богу, религии” (0.5); *фактор “Родители”* (13%) – “Родители” (0.8), “Отец” (0.8), “Мама” (0.8); *Фактор “Защитная агрессия”* (11%) – “Жесткость, напористость” (0.8), “Бункер, бомбоубежище” (0.6), “Госбезопасность: власть, органы правопорядка” (0.5); *фактор “Позитивные эмоции”* (8%) – “Безмятежность, легкость” (0.9), “Радость” (0.8). Полученные данные близки к результатам 27–40-летних респондентов, однако опыт переживания безопасности расширяется и переносится на мир в целом. Оказалось, что этот фактор разделяет выборку на подгруппы и в целом указывает на наличие или отсутствие у людей глобального чувства безопасности, в котором отражены особенности индивидуальной истории и отношение к истории человечества вообще.

Мы предположили, что слова-дескрипторы, оценки по которым демонстрируют значительный разброс, выступают маркерами таких раз-

личий. Не владея дополнительной информацией относительно личностных особенностей разных групп респондентов, можем лишь сказать, что совокупность выделенных признаков определяет направление дальнейшего научного поиска. “Поддержка отца” и “Осторожность” для юности и ранней взрослости, “Переживание состояния безопасности” и “Открытость миру” для периода средней взрослости, “Переживание состояния безопасности” и “Родители” для периода взрослости определяют ключевые позиции в различиях представления о безопасности, обусловленных личностными особенностями. Оказывается, что чем больше поддержка отца в период юности и значительнее ощущение психологической безопасности в период средней взрослости и взрослости как радости и безмятежности, тем увереннее, спокойнее и стабильнее состояние данного человека.

Рассматривая безопасность как защищенность, юноша стремится использовать внешние средства достижения безопасности. В более старшем возрасте границы безопасности расширяются, а средства становятся внутренними (ум, компетентность, мудрость). Различия в описании состояния безопасности в период взрослости, по-видимому, связаны с разным вкладом в развитие этого состояния фактора “Родители”, который дифференцирует выборку по частоте обращения за помощью к матери и отцу и актуализирует ранний опыт взаимодействия с ними, соотнося его с опытом выполнения респондентом роли родителя и прародителя. С этой точки зрения безопасность имеет ценность не только для конкретного индивида, но и для целого поколения, а также для нескольких поколений, поскольку передается от предков к потомкам, поддерживая, развивая и укореняя базовую психологическую безопасность как любовь, привязанность и поддержку, радость и счастье [16, с. 38].

ВЫВОДЫ

1. Историко-философский анализ проблемы детерминации психического показал наличие существенных рассогласований в понимании природы причинной обусловленности психики, которые вызваны предпочтением в анализе внешней или внутренней причинности.

2. На примере исследования психологической безопасности личности удалось показать, что внешние причины, например опасность, влияют на внутреннее состояние человека не прямо, а

опосредованно, через чувствительность личности к угрозам.

3. Детерминация психического не статична, а процессуальна и изменяется при взаимодействии внешних причин и внутренних оснований. Показано, что чувствительность к угрозам, проявляющаяся в показателях суверенности психологического пространства личности как внутреннего личностного основания, различна в своей динамике у респондентов, чувствительных к разным угрозам.

4. Внутренние условия организованы системно, что, в частности, показано на примере представлений о психологической безопасности у людей разных возрастов. Выявлено, что анализ системы внутренних условий (возраст и личностные особенности) позволяет понять, что психологическая безопасность может переживаться как состояние радости и безмятежности или как состояние, которое соотносится личностью с отсутствием угроз и не может быть определено иначе, чем через упоминание об опасных факторах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмус В.Ф. Избранные философские труды. М.: МГУ, 1971. Т. II.
2. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО "Модэк", 1996.
3. Брушлинский А.В. Психология субъекта. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
4. Гегель. Работы разных лет: В 2 тт. М.: Мысль, 1971. Т. 2.
5. Кант И. Критика практического разума: Соч. в 6 тт. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 311–501.
6. Нартова-Бочавер С.К. Психологическое пространство личности. М.: Прометей, 2005.
7. Нартова-Бочавер С.К. Психологическая суверенность личности: генезис и проявления: Автореф. дисс. ... докт. психол. н. М., 2005.
8. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: опыт психологического исследования субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008.
9. Нартова-Бочавер С.К., Бочавер К.А., Бочавер С.Ю. Жизненное пространство семьи: объединение и разделение. М.: Генезис, 2011.
10. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
11. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
12. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. М.: МГУ, 1980.
13. Фишер К. История новой философии. С.-Петербург, 1863. Т. II.
14. Харламенкова Н.Е. Личностная безопасность и стратегии ее достижения // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 133–159.
15. Харламенкова Н.Е. Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М.И. Воловикова, Н.Е. Харламенкова. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 141–160.
16. Шутценбергер А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины и практическое использование геносоциограммы. М.: Изд-во Института психотерапии, 2009.

SCIENTIFIC GROUNDS AND THEORETICAL AND EMPIRICAL RECONSIDERATION OF PRINCIPLE OF DETERMINISM IN SUBJECT-ACTIVITY APPROACH

N. E. Kharlamenkova

Sc.D. (psychology), professor, head of laboratory of psychology of posttraumatic stress, Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS, Moscow

Scientific principles of the problem of determination of psychic are stated. Critical evaluation and reconsideration carried out in S.L. Rubinsten's and A.V. Brushlinsky's works are done. Based on data obtained in the study of person's psychological safety, three aspects of determinism principle significant for subject-activity approach have been substantiated theoretically and empirically. Theses aspects are: external causes act only via internal conditions; determination of any phenomenon is procedural; organization of internal conditions is systemic.

Key words: determinism, indeterminism, freedom, necessity, fatalism, external through internal, personality, psychological safety, threat, sensitivity to tolerance to treat, threat tolerance, threat sensitivity, sovereignty.